

ЖИЗНЬ НА СЪВЕРЪ И ЮГЪ

(отъ полюса до экватора).

Д-ра А. Брэма.

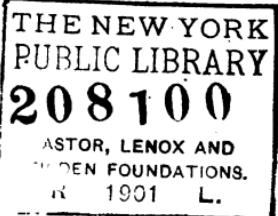
Дополненіе къ его сочинен. «Жизнь животныхъ».

съ 53 рисунками въ текстѣ.

Цѣна 2 рублія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Ф. Павленкова.
1891.

Removed to 29 CLINTON ST.
* QF
/ Bre

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Апрѣля 1891 года.

Либкне
Гайдн
Маккензи
Уильямс

~~~~~
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

958 K. A.
T. C. L. S. B.

A. S. H. D.
T. C. P. E. R. F. O. N.

Д-РЪ А. БРЭМЪ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Птичы горы въ Лапландіи	1
Тундра и міръ ея животныхъ	25
Азіатская степь и жизнь ея животныхъ.	45
Лѣсь, дичь и охота въ Сибири	71
Степи внутренней Африки и ихъ животный міръ . .	111
Дѣвственныи лѣсь внутренней Африки и его живот- ный міръ	135
Переселенія млекопитающихъ	162
Любовь и бракъ у птицъ	185
Обезьяны	206
Караваны и путешествія въ пустынѣ	235
Земля и люди между порогами Нила	267
Путешествіе по Сибири.	296
Остяки-язычники.	320
Степные кочевники и ихъ стада	347
Общественная и семейная жизнь киргизовъ	371
Поселенцы и ссыльные въ Сибири	394
Научные поѣздки по Дунаю.	418

ЖИЗНЬ НА СЪВЕРѢ И ЮГѢ.

(отъ съвернаго полюса до экватора).

Птичий горы въ Лапландії.

«Когда Творецъ міра только что закончилъ созданіе своей любимой звѣзды—земли и радовался удавшемуся творенію, коварный дьяволъ задумалъ уничтожить дѣло Его рукъ. Тогда дьяволъ еще не былъ изгнанъ съ неба и жилъ среди архангеловъ, въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ находятся праведники. Онъ поднялся до седьмого неба и, схвативъ огромный камень, съ силою метнулъ его въ землю, блестѣвшую юной красотой. Но Создатель во время замѣтилъ нечестивое дѣло и послалъ одного изъ архангеловъ, чтобы помѣшать бѣдѣ. Ангель спустился внизъ еще быстрѣ камня, и ему удалось спасти землю. Съ грохотомъ низверглась исполинская глыба въ море, волны съ шумомъ поднялись къ верху и на далекое пространство затопили сосѣднюю сушу. Отъ сильного паденія треснула оболочка камня, и тысячи осколковъ погрузились по обѣимъ сторонамъ его въ море, частью исчезнувъ въ глубинѣ, частью поднявшись надъ нею, ввидѣ обнаженныхъ камней, какъ самое ядро. Тогда сжался Господь и, въ своей безконечной благости, пожелалъ оживить и эту пустынную скалу. Но запасъ плодородной земли уже изсякъ, и ея лишь немного оставалось въ Его рукахъ. Поэтому только небольшія частицы ея попали на камни».

Такъ говорить старинная сага, которая у лопарей переходитъ изъ устъ въ уста. Камень, брошенный дьяволомъ, это — Скандинавія; осколки его оболочки, погрузившіяся по обѣимъ сторонамъ въ море — шхеры, окружающія полуостровъ причудливымъ вѣнцомъ; образовавшаяся на немъ расщелины и трещины — фіорды и внутреннія долины; частицы благодатной земли, упавшія изъ рукъ Творца, образуютъ немногія плодородныя мѣстности Скандинавіи.

Нужно побывать самому въ Скандинавіи и особенно въ Норвегіи, нужно самому поплавать на лодкѣ между шхерами, нужно обогнуть страну отъ крайнихъ южныхъ до высшихъ съверныхъ предѣловъ, чтобы оцѣнить эту младенческую сагу во всей ея глубинѣ. Дѣйстви-

тельно, чудна эта страна; чудны ея фьорды, но еще чуднѣе вѣнокъ изъ острововъ и шхеръ.

Скандинавія—такая-же горная страна, какъ Швейцарія и Тироль, и въ то-же время совсѣмъ не похожа на нихъ. Также какъ у Альповъ, у нея есть свои высокія вершины, ледники, горные потоки, чистыя и тихія горныя озера, темные сосновые лѣса въ низинахъ, свѣтлые березовыя рощи на высотахъ, обширныя, превращающіяся въ тундры, болота на широкихъ хребтахъ горъ, блокгаузы на скалахъ и пастушки хижины въ самыхъ высокихъ равнинахъ. Однако все это имѣеть иной характеръ, чѣмъ въ альпійскихъ странахъ, и разница замѣчается каждымъ, кто бывалъ въ той и въ другой странѣ. Разница зависитъ оттого, что здѣсь является удивительное сочетаніе двухъ великихъ и возвышенныхъ областей земли—моря и высокихъ горъ.

Скандинавія носить на себѣ отпечатокъ чего-то суроваго и въ то-же время отраднаго. Съ суровостью здѣсь соединяется мягкость, мрачное чередуется съ веселымъ, рядомъ съ мертвымъ и устрашающимъ выступаетъ живое и возвышающее душу. Черныя массы скаль отвѣсно поднимаются изъ моря, возносятся прямо изъ глубоко изрѣзанныхъ фьордовъ, отдѣляются расщелинами одна отъ другой, круто громоздятся и угрожающіе наклоняются другъ надъ другомъ; на ихъ вершинахъ покоятся ледяныя массы, расстираясь на цѣлыхъ мили, прикрывая все, чтѣ видѣть глазъ, и не давая мѣста ничему живому, за исключеніемъ рождающихся отъ нихъ горныхъ потоковъ. Эти горные ручьи вездѣ разстилаютъ свои серебряныя ленты по чернымъ громадамъ и радуютъ не только зрѣніе, но и слухъ возвышенной мелодіей горъ; они шумятъ въ каждой впадинѣ, низвергаясь въ глубину, вырываются изъ каждого ущелья или въ безпорядкѣ ниспадаютъ со скалъ, образуя водопадъ за водопадомъ и пробуждая эхо въ горныхъ стѣнахъ. Эти шумящіе, бурныя потоки, быстро скользящіе въ каждое углубленіе, блестящія водяныя полосы, висящія на каждомъ выступѣ скалы, водяной паръ, поднимающійся, какъ облако дыма, и говорящій намъ о скрытыхъ водопадахъ—все это придаетъ жизнь самымъ мрачнымъ, пустыннымъ мѣстностямъ, гдѣ глазъ ничего не видитъ, кромѣ скалъ и неба. Все это—характерные признаки внутренней части страны.

Но какъ ни величественна ея красота, какъ ни волшебны, ни по-разительны фьорды съ ихъ скалистыми стѣнами, ущельями и долинами, мысами и пиками, еще своеобразнѣе острова и шхеры въ самомъ морѣ, окружающіе твердую землю съ юга до сѣвера и образующіе лабиринтъ бухтъ, заливовъ и проливовъ, подобного которому нельзя найти нигдѣ болѣе на всей поверхности земли.

Большіе острова болѣе или менѣе точно повторяютъ собоюсосѣднюю твердую землю, мелкіе острова и шхеры всегда носятъ свой собственный отпечатокъ. Послѣдній измѣняется болѣе или менѣе съ каждымъ гра-

дусомъ широты, который приходится переходить, подвигаясь къ съверу. Здѣсь не замѣчается пышности юга, но нельзя сказать, чтобы и здѣсь не было своей красоты. Въ часы полуночи, когда солнце полярнаго лѣта, большое и кровавое, низко стоитъ надъ горизонтомъ, и его потускнѣвшій блескъ отражается въ покрытыхъ льдомъ горныхъ вершинахъ и въ морѣ, эти мѣста производятъ непреодолимое очарованіе. Этому впечатлѣнію содѣйствуютъ разбросанныя повсюду строенія: дома, сколоченные изъ дерева, огороженные досками и покрытые дерномъ, выдѣляющіеся страннымъ багровымъ цвѣтомъ, который пріобрѣтаетъ еще большую яркость отъ зеленої дерновой кровли, отъ темнѣющихъ вдали, почти черныхъ горъ и голубого льда глетчеровъ на заднемъ планѣ картины.

Южанинъ, чуждый этой странѣ, не безъ удивленія замѣчаетъ, что эти дома становятся тѣмъ больше, виднѣе и просторнѣе, чѣмъ ближе къ съверу; что если они не окружены полями, то всегда окружены садиками, и своей величиной, обширностью и отдѣлкой далеко оставляютъ за собой хижины южной Скандинавіи. Мало того, самыe красивые и величественные дома находятся нерѣдко на мелкихъ островкахъ, гдѣ скалы прикрываютъ только торфомъ и гдѣ неблагодарная почва не позволяетъ развести и маленькаго садика.

Это необъяснимое явленіе становить понятнымъ для нась, какъ скоро мы вспомнимъ, что въ Норландѣ и въ Финляндіи не твердая земля, а море представляютъ ниву, которую приходится обрабатывать, что тамъ лѣтомъ не сѣять и не косить, а пожинаютъ среди зимы, не сѣя. Именно въ тѣ мѣсяцы, когда долгая ночь властвуетъ безраздѣльно и вмѣсто солнца свѣтить только луна, вмѣсто утренней и вечерней зари сверкаетъ лишь съверное сіяніе, человѣкъ пользуется богатой добычей, доставляемой моремъ.

Во время осеннаго равноденствія во всѣхъ прибрежныхъ мѣстахъ, по всей Норвегіи, крѣпкое мужское населеніе приготовляется къ сбору съверной жатвы. Каждый городъ, каждое мѣстечко, каждая деревенька высыпаетъ одно или нѣсколько судовъ съ многочисленнымъ экипажемъ къ островамъ и шхерамъ по ту сторону полярнаго круга; суда должны останавливаться во всѣхъ пригодныхъ бухтахъ на цѣлые мѣсяцы, и съ борта, и съ береговыхъ построекъ собирать морскую жатву. Втеченіе жаркаго лѣта страна нѣма и безлюдна; втеченіе зимы бухты, острова и проливы кишатъ работающими людьми, и заботливыя человѣческія руки находятся тамъ въ движеніи днемъ и ночью. Какъ ни обширны береговыя постройки, онѣ не могутъ вмѣстить множества скопляющихся здѣсь людей, и тѣмъ, кому не достается мѣста, даютъ кровь наскоро выстроенные, покрытыя торфомъ хижины на берегу, рядомъ съ судами.

Во время зимняго поворота солнца, когда мы празднуемъ Рож-

дество и норвежцы сжигают свой святочный чурбанъ, здѣсь царствуетъ самая кипучая дѣятельность. Уже нѣсколько недѣль, какъ море посыаетъ свои богатства. Повинуясь могучему стремлению, побуждающему и двигающему живыя существа, управляемые непреодолимой потребностью обеспечить жизнь будущихъ поколѣній, изъ глубины моря поднимаются безчисленныя стаи рыбъ, выплываютъ на поверхность воды, приближаются къ берегамъ, проникаютъ во всѣ проливы, бухты и фьорды и покрываютъ собою море на нѣсколько миль въ окружности. Одушевленный однимъ чувствомъ, обезумѣвшія отъ одного и того-же желанія, рыбы плаваютъ столь плотной массой, что лодкѣ приходится буквально пробиваться между ними, что сѣть, обремененная ихъ тяжестью, не поддается богатырской силѣ рыбаковъ или прорывается, что весло, воткнутое между двумя прижавшимися другъ къ другу рыбами, нѣсколько минутъ держится въ стоячемъ положеніи, прежде чѣмъ склонится въ сторону. Насколько скалистые острова свободны отъ бурного прилива,—отъ средней приливной линіи до нижняго края покрывающаго ихъ вершины торфяного слоя,—обнаженные скалы ихъ устланы бывають непрерывнымъ кольцомъ распластанныхъ рыбъ, которыхъ высушиваются здѣсь, и тамъ-же возвышаются подмостки, на которыхъ, съ тою-же цѣлью, рыбы предстаиваютъ дѣйствію рѣзкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сухого воздуха. Отъ времени до времени скалы и подмостки очищаются, и высушенные рыбы связываются въ пучки и складываются въ амбары; тогда освобождается мѣсто для другихъ рыбъ, пойманныхъ и подготовленныхъ къ сушки.

Втеченіе мѣсяцевъ продолжается этотъ промыселъ, втеченіе мѣсяцевъ здѣсь происходить непрерывный базарь, на которомъ югъ и сѣверъ обмѣниваются своими богатствами. Только въ тѣ дни, когда въ полдень яркій блескъ на южной сторонѣ предшествуетъ еще скрытому солнцу, или тогда, когда оно какъ-бы мелькомъ бросаетъ взоръ на землю, постепенно заканчивается богатый ловъ. Изъ амбаровъ переносятъ на суда высушеннную треску, наполняютъ ихъ отъ киля до палубы и приготовляются къ возвращенію домой или къ дальнему плаванію. Одинъ корабль за другимъ поднимаетъ паруса и отплываетъ отъ берега.

Все затихаетъ на сѣверѣ, одинокой становится суши, пустыннымъ дѣлается море. Наконецъ, къ весеннему равноденствію, почти всѣ суда оставляютъ мѣсто своей добычи, и рыба уходитъ опять въ глубину моря. Но море посыаетъ уже новыхъ дѣтей, чтобы опять оживить не только проливы, бухты и фьорды, но и шхеры, и острова; вскорѣ съ этихъ острововъ, гдѣ царила кипучая зимняя промышленная жизнь, уже начинаютъ высматривать на море миллионы зоркихъ птичьихъ глазъ.

Глубоко трогательная черта въ жизни всѣхъ настоящихъ морскихъ птицъ заключается въ томъ, что только двѣ причины могутъ ихъ привлечь на твердую землю: радостное чувство весенней, вновь пробуж-

дающейся любви и мрачное предчувствие приближающейся смерти. Зима, со своими длинными ночами, холдами и бурями, не въ силахъ загнать ихъ на землю: онъ застрахованы отъ всѣхъ невзгодъ крайняго съвера и привыкли находить себѣ дѣло на волнахъ или подъ волнами. Даже страхъ передъ угрожающей пастью хищной рыбы не заставляетъ ихъ искать спасенія на сушѣ; онъ залетаютъ на нее, какъ, напр., на одинако лежацій въ морѣ островъ, только случайно и на короткое время, чтобы дать своимъ перьямъ пропитаться жиромъ, чтѣ не такъ удобно дѣлается въ водѣ. Но какъ только, съ первымъ проблескомъ солнца, въ ихъ сердцѣ пробуждается любовь, старый и малый, хотя-бы для этого надо было перелетѣть тысячи морскихъ миль, стремятся опять къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они впервые увидали свѣтъ. И если среди ледяной зимы, послѣ того какъ эти мѣста уже давно опустѣли, морская птица предчувствуетъ смерть, она спѣшить, пока ей позволяютъ силы, по возможности туда, гдѣ находилась ея колыбель.

Ежегодныя сборища безчисленныхъ птицъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ выводятся, придаютъ этимъ мѣстамъ неизобразимое оживленіе. Эти сборища разнообразны, какъ и сами морскія птицы; разнообразны и мѣста или, какъ говорить норвежецъ, горы, которыхъ онъ населяютъ. Однѣ избираются для своего размноженія лишь такія шхеры, какія едва поднимаются надъ линіей прилива и не заключаютъ въ себѣ растеній, кроме водорослей, выброшенныхъ моремъ и необходимыхъ, чтобы обложить ими гнѣздо. Другія гнѣздаются на крутыхъ и высокихъ островахъ, возвышающихся надъ моремъ на многія сотни футовъ и богатыхъ выступами, пепцерами, расщелинами и другими тайными пріютами или покрытыми толстымъ слоемъ растительныхъ остатковъ, превратившихся въ торфъ. Эти низменныя шхеры норвежецъ называетъ, по имени пользующейся его предпочтеніемъ самой цѣнной или самой полезной изъ всѣхъ морскихъ птицъ, «гагачими холмами», а название «птичихъ горъ» онъ даетъ круто поднимающимся островамъ, населеннымъ чистиками или чайками.

Какъ ни заманчиво для наблюдающаго изслѣдователя изучить ближе и описать подробнѣе каждую породу морскихъ птицъ, но крайнее изобиліе населенія съверныхъ горныхъ птичниковъ и своеобразная жизнь собирающихъ тамъ птицъ невольно ограничиваютъ это стремленіе. И я долженъ отказаться, сообразуясь съ удѣленнымъ мнѣ временемъ, набросать полную картину жизни всѣхъ птицъ этихъ горъ, но я обязанъ, хотя-бы бѣгло, разсказать, какъ живутъ по крайней мѣрѣ нѣкоторая изъ нихъ, чтобы отмѣтить главныя черты жизни этихъ крылатыхъ обитателей моря. Какъ ни труденъ выборъ, мы не можемъ не дать мѣста *гагамъ*, которая каждой весной возвращаются къ тѣмъ-же островамъ и способствуютъ ихъ волшебному украшенію.

Три вида этихъ красивыхъ утокъ населяютъ или посѣщають берега

Европы; изъ нихъ настоящая гага каждое лѣто залетаетъ на сѣверозападные острова Германіи, въ особенности на островъ Сильтъ. Ея перистый покровъ—точное отраженіе полярнаго моря. Въ немъ сочетаются черный и красный, пепельно-серый, льдисто-зеленый, бѣлый, бурый и желтый цвета. Настоящая гага наименѣе красива изъ этихъ трехъ видовъ, но и она чрезвычайно нарядна. Затылокъ и спина, полоса надъ крыльями и мѣста по сторонамъ нижней части тѣла у нея бѣлаго цвета, какъ пѣна волны; шея и хохолокъ—стѣ розовымъ отливомъ на бѣломъ фонѣ, какъ будто на нихъ остался блескъ полуночного солнца; полосы на боковыхъ частяхъ головы — нѣжно-зеленаго цвета, точно ледь глетчеровъ; нижняя часть груди и брюшко, крылья и хвостъ—черны, какъ глубина морская. Такой нарядъ свойственъ только самцамъ; самка одѣвается, какъ всѣ утки, гораздо скромнѣе, но и ея одежда, которую можно назвать домашней, не менѣе привлекательна. Ея опереніе, по преимуществу ржаваго цвета, переходящаго болѣе или менѣе въ бурый оттенокъ, украшено продольными и поперечными пятнами, полосами и завитками такой нѣжности и разнообразія, что недостаетъ словъ для описанія рисунка.

Ни одна изъ породъ утокъ не можетъ считаться такой настоящей обитательницей моря, какъ гага; ни одна не ковыляетъ такъ тяжело на сушѣ, ни одна не летаетъ менѣе искусно, ни одна не плаваетъ быстрѣе, не ныряетъ ловчѣе и глубже, чѣмъ она. Для отысканія пищи гага опускается на двадцать пять сажень ниже поверхности воды и остается подъ водою около пяти минутъ, т. е. чрезвычайно долго. До начала спаривания она или вовсе не оставляеть открытаго моря, или дѣлаетъ это ввидѣ незначительныхъ исключеній, болѣе по прихоти, чѣмъ-что необходимости. Уже къ концу зимы стаи этихъ птицъ раздѣляются на отдельныя пары, и лишь тѣ самцы, которымъ не удалось найти самку, плаваютъ еще небольшими группами. Между супругами одной пары царствуетъ съ обѣихъ сторонъ самое счастливое единодушіе. Лишь одна воля, именно воля самки, руководить дѣйствіями обоихъ. Если она поднимается съ водяной поверхности, чтобы пролетѣть нѣсколько сотъ аршинъ, самецъ слѣдуетъ за нею; какъ только она опускается въ глубину, онъ немедленно ныряетъ туда-же; куда-бы она ни направилась, онъ послушно сопровождаетъ ее; все, что она предпринимаетъ, соотвѣтствуетъ его желаніямъ. Чета живетъ еще нѣкоторое время на открытомъ морѣ, хотя лишь тамъ, гдѣ его глубина не превосходитъ двадцати пяти саженъ, и всегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ракушки и другія раковины обильно покрываютъ скалы или дно. Эти слизняки часто составляютъ исключительную пищу нашихъ утокъ: за ними онъ ныряетъ въ значительную глубину; эти-же раковины всегда спасаютъ ихъ отъ нужды, иногда жестоко угнетающей другихъ утокъ.

Въ апрѣль, самое позднее въ началѣ мая, пары все болѣе и болѣе приближаются къ поясу шхеръ и затѣмъ къ берегамъ. Въ сердцѣ утки пробуждаются материнскія заботы и становятся выше всѣхъ другихъ. Тамъ на открытомъ морѣ пара была такъ боязлива, что никогда не могла выждать приближенія корабля или лодки, и человѣка, гдѣ бы онъ ни показывался, боялась болѣе всякаго другого существа; теперь, вблизи острововъ, образъ дѣйствій ея совершенно измѣняется. Повинуясь лишь материнскому инстинкту, утка переплываетъ на одинъ изъ острововъ, гдѣ она кладетъ яйца, и, не обращая вниманія на человѣка, выходитъ на берегъ. Самецъ, все еще озабоченно, слѣдуетъ за нею, не переставая издавать свой предостерегающій крикъ «агуа, агуа», осторожно замедляя свои движенія, останавливаясь по временамъ, что-то соображая и затѣмъ плывя дальше. Утка ничего этого не замѣчаетъ. Безпечная къ цѣлому миру, она бродить по острову, отыскивая подходящее мѣсто, гдѣ можно свить гнѣздо. Со свойственнымъ ей упрямствомъ, она не довольствуется первой удобной кучей водорослей, выброшенной на берегъ приливомъ, низкимъ кустомъ можжевельника, хотя расползающіяся по землѣ вѣтви его представляютъ надежную защиту, полуразрушеннымъ ящиковъ, поставленнымъ для нея обладателемъ острова, грудой хвороста, которую онъ собралъ, съ цѣлью принимать ее; утка приближается безстрашно, какъ домашнее животное, къ жилищу владѣльца, входить внутрь, переходить черезъ дворъ, преслѣдуясь хозяйку въ кухнѣ и комнатахъ, осматривается капризно и упрямо и избираетъ иной разъ для своего гнѣзда именно внутренность печки, заставляя тѣмъ хозяйку втеченіе цѣлаго мѣсяца пѣть себѣ хлѣбъ на другомъ островѣ. Съ видимымъ ужасомъ слѣдуетъ за нею вѣрный селезень; когда-же самка, по его мнѣнію, забыла уже о всякой осторожности и дошла до того, чтобы поселиться подъ одной кровлей съ людьми, онъ не пытается противиться болѣе ея желанію, но представляетъ все ея волѣ и улетаетъ на спокойное море, страстно поджидая здѣсь ея ежедневныхъ носѣній. Наша утка однако этимъ не смущается, она приносить нѣкоторое количество хвороста въ одно мѣсто, убѣждается, что хозяинъ дома желаетъ ей добра, набираетъ материала для гнѣзда, именно, кромѣ хвороста, еще и водорослей, складывается все въ кучу, вырывается въ ней, работая обѣими лапами, углубленіе, окружаетъ его, безпрерывно вращаясь въ немъ гладкою грудью и начинаетъ устраивать подстилку гнѣзда. Думая только о своемъ потомствѣ, она вырывается у себя съ груди несравненный по мягкости пухъ, дѣлаетъ изъ него нѣчто вродѣ войлока, которымъ устилается всю ямку и еще оставляетъ съ верхняго края выпушку такой толщины, что ею можно, какъ одѣяломъ, закрывать гнѣздо при всякомъ холода, когда улетаетъ птица. Еще прежде чѣмъ внутренняя подстилка вполнѣ готова, утка начинаетъ класть свои, относительно маленькие, гладкія, грязно или

сѣровато-зеленыхъ яйца, числомъ до шести или до восьми, рѣдко менѣе или болѣе.

Хозяинъ только и ждалъ этого времени. Онъ оказывалъ птицѣ гостепріимство изъ собственныхъ разсчетовъ. Теперь онъ становится хищникомъ; онъ безжалостно вынимаетъ изъ гнѣзда яйца и внутреннюю подстилку, состоящую изъ драгоценного пуха. Отъ двадцати четырехъ до тридцати гнѣздъ доставляютъ два съ половиною фунта пуху, стоящаго, по меньшей мѣрѣ, тридцать марокъ (15 рублей) на мѣстѣ; эти цифры лучше всего объясняютъ образъ дѣйствій хозяина-норвежца.

Грустно смотрѣть утка на разрушеніе своихъ надеждъ; ошеломленная и напуганная, улетаетъ она въ море къ ожидающему ее супругу. Насколько настоятельно повторяетъ онъ теперь свои предостереженія, я сказать не могу, но могу только увѣрить, что онъ умѣеть скоро ее утѣшить. Весенняя радость и весенняя бодрость еще движутъ сердцами обоихъ: проходитъ нѣсколько дней, и наша утка, какъ будто ничего съ ней не случилось, опять выходитъ на землю, чтобы свить новое гнѣздо. Вѣроятно, она избѣгаетъ теперь прежняго мѣста и довольствуется первой удобной и не занятой кучей водорослей, опять она выгребаетъ и округляетъ углубленіе и опять начинаетъ искать въ собственныхъ перьяхъ необходимую, повидимому, пушистую подстилку. Но какъ она ни старается, какъ ни вытягиваетъ шею, какіе змѣиные изгибы ни придаетъ ей—все напрасно: ея запасъ истощенъ. Но когдаже мать, даже въ образѣ утки, оказывалась беспомощной, если дѣло идетъ о томъ, чтобы позаботиться о дѣтяхъ? Не теряется въ этомъ случаѣ и наша гага. У нея самой уже нѣть болѣе пуха, но на груди и на спинѣ ея супруга онъ еще не тронутъ. Теперь настаетъ его очередь. Какъ-бы онъ ни растопыривалъ свои перья, какъ-бы ни были живы въ немъ прежнія воспоминанія, онъ долженъ повиноваться, потому что онъ супругъ, а она его супруга. Не заботясь о немъ, встревоженная мать вырывается у него перья и, втеченіе нѣсколькихъ часовъ или не болѣе двухъ дней, онъ уже опципанъ такъ-же, какъ она сама. Если затѣмъ селезень, при первой возможности, улетаетъ въ открытое море и, впроложеніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, живетъ тамъ лишь въ общеніи съ подобными себѣ, уже ни мало не заботясь о своей супругѣ, сидящей на яйцахъ, и обѣ ея потомствѣ, то я нахожу это вполнѣ понятнымъ. И если иногда, какъ это случается на всѣхъ птичихъ островахъ, можно видѣть селезня рядомъ съ сидящей на яйцахъ уткой, то, я думаю, это можетъ быть только такой селезень, который не былъ опципанъ.

Теперь наша утка усердно сидитъ на яйцахъ. Легко убѣдиться, что ея домашнее платье, о которомъ мы говорили,—единственно пригодное, даже единственно удобное изъ всѣхъ, какія она можетъ носить. Въ водоросляхъ, окружающихъ гнѣздо, она вполнѣ не замѣтна, даже для остраго

глаза сокола и морского орла. Не только общая окраска, но каждая точка, каждая полоска настолько сливаются съ высохшими водорослями, что сидящую на яйцахъ птицу, если она втянетъ шею и нѣсколько распустить крылья, нельзя отличить отъ того, что ее окружаетъ. Много и много разъ случалось со мною, что я, осматриваясь кругомъ опытнымъ глазомъ охотника и естествоиспытателя, шелъ по тому мѣсту, гдѣ сидѣли утки, и обращалъ внимание на сидѣвшую у самыхъ моихъ ногъ гагу только тогда, когда она, обороняясь отъ меня,

Г а г .

ударяла клювомъ по моему сапогу. Каждый, кто знаетъ самоотверженность, съ какою утки сидѣть на яйцахъ, не удивится тому, что можно подойти такъ близкѣ къ гагѣ, сидящей въ гнѣзда; но даже и опытный изслѣдователь не можетъ не выразить удивленія, когда онъ узнаетъ, что гага позволяетъ опускать яйца подъ ея грудью и не слѣзаетъ съ гнѣзда, что она не прерываетъ сидѣнія на яйцахъ, даже если снять ее съ гнѣзда и опустить опять на него или на землю въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы увидѣть интересное зрѣлище, какъ она, переваливаясь, спѣшить вновь къ своему гнѣзду.

Материнское самоотверженіе и вообще материнскій инстинктъ гаги